

УДК 322

DOI: 10.28995/2658-6541-2023-5-3-12-27

«Большим тормозом в работе является духовенство»: реализация национальной политики в отношении тюркских народов Урала в 1920-е гг.

Михаил С. Каменских

*Институт гуманитарных исследований УрО РАН, Пермь, Россия;
Национальный исследовательский университет «Высшая школа
экономики», Пермь, Россия, mkamenskih27@gmail.com*

Аннотация. В работе на основании вводимых автором в научный оборот документальных источников анализируются особенности национальной политики на Урале 1920-х гг. в отношении башкирского и татарского населения. Татары и башкиры составляли 4% от населения области, но были при этом крупнейшим этническим меньшинством региона после русских, а их численность в отдельных районах превышала 95%. В статье рассматриваются мероприятия по вовлечению актива в коммунистическое и комсомольское движение, антирелигиозная политика и противодействие исламу, а также поддержка культуры светских праздников, таких как сабантуй. Основным источником стали введенные автором в научный оборот делопроизводственные материалы центральных и региональных архивов. Анализ документов показал, что в первые годы советской власти политика по вовлечению лидеров общественного мнения и молодежи в коммунистическое движение не была успешной и не вызывала интереса у местного населения. Эту работу затрудняла деятельность религиозных мусульманских лидеров, которые в отличие от православных служителей имели свободу миссионерской работы и даже содействие Наркомпроса в подготовке священников. В дальнейшем их деятельность была пресечена как противоречащая коммунистической идеологии, а власти стали развивать культуру светских праздников и общественной жизни. В результате были заложены основы современной светской национальной культуры татар и башкир России. Автор уверен, что успешность реализации такой политики позволяет переосмыслить подходы к оценке ее эффективности.

Ключевые слова: районы, башкиры, татары, национальная политика, сабантуй, ислам, советская власть

Статья поступила в редакцию 8 апреля 2023 г.;
принята к публикации 12 мая 2023 г.

Для цитирования: Каменских М.С. «Большим тормозом в работе является духовенство»: реализация национальной политики в отношении тюркских народов Урала в 1920-е гг. // История и архивы. 2023. Т. 5. № 3. С. 12–27. DOI: 10.28995/2658-6541-2023-5-3-12-27

“The clergy is a drag on work”. The implementation of the national policy towards the Turkic peoples of the Urals in the 1920s

Mikhail S. Kamenskikh

*Institute of Humanitarian Studies,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Perm, Russia;
HSE University, Perm, Russia, mkamenskikh27@gmail.com*

Abstract. Based on the documentary resources introduced by the author into scientific circulation, the article analyzes the features of the national policy in the Urals in the 1920s in relation to the Bashkir and Tatar population. Tatars and Bashkirs made up 4% of the region's population, but they were the largest ethnic minority in the region after Russians, and their number in some areas exceeded 95%. The article considers the activities to involve the activists in the communist and Komsomol movements, anti-religious policy and opposition to Islam, as well as the support of the culture of secular holidays, such as Sabantui (wild celebration). The office records of the central and regional archives, introduced by the author into scientific circulation, became the main source. The document analysis showed that in the first years of Soviet rule the policy of involving opinion makers and youth in the communist movement was not successful and did not arouse any interest in the local population. The process was hampered by the activities of Muslim religious leaders. They, unlike Orthodox ministers, had the freedom of missionary work and even the support of the Narkompros (national education) in the training of priests. Later, their activities were suppressed as contradicted to the communist ideology, and the authorities began to develop a culture of secular holidays and public life. As a result, the foundations for the modern secular national culture of the Tatars and Bashkirs of Russia were laid. The author is sure that the success of the implementation of such a policy makes it possible to redefine the approaches to assessing its efficiency.

Keywords: regions, Bashkirs, Tatars, national policy, Sabantui, Islam, Soviet power

The article was submitted 08.04.2023;

accepted for publication 12.05.2023.

For citation: Kamenskikh, M.S. (2023), “‘The clergy is a drag on work’. The implementation of the national policy towards the Turkic peoples of the Urals in the 1920s”, *History and Archives*, vol. 5, no. 3, pp. 12–27, DOI: 10.28995/2658-6541-2023-5-3-12-27

Введение

В марте 1921 г. на X съезде РКП (б) был заслушан доклад И.В. Сталина «Об очередных задачах партии в национальном вопросе: Тезисы к X съезду РКП(б), утвержденные ЦК партии». В тезисах было объявлено, что «ликвидация националистических и, в первую голову, колонизаторских шатаний в коммунизме, является одной из важнейших задач партии на окраинах»¹. В резолюции к тезисам, известным как «Об очередных задачах партии в национальном вопросе» партия обязывалась «помочь трудовым массам невеликорусских народов» догнать ушедшую вперед Центральную Россию. Для этого предлагалось решение следующих задач: развить и укрепить советскую государственность в формах, соответствующих национально-бытовым условиям этих народов; б) развить и укрепить действующие на родном языке суд, администрацию, органы хозяйства, органы власти, составленные из людей местных, знающих быт и психологию местного населения; в) развить прессу, школу, театр, клубное дело и вообще культурно-просветительные учреждения на родном языке; г) поставить и развить широкую сеть курсов и школ как общеобразовательного, так и профессионально-технического характера на родном языке... «для ускоренной подготовки из туземных кадров квалифицированных рабочих и советско-партийного аппарата»².

Эти задачи создали основу национальной политики страны в 1920-е гг., а борьба с великорусским шовинизмом и помощь «невеликорусским народам» в их культурном и экономическом развитии стали частью повседневного дискурса советского общества этого периода.

¹ Сталин И.В. Об очередных задачах партии в национальном вопросе: Тезисы к X съезду РКП(б), утвержденные ЦК партии // Правда. 1921. 10 февр.

² Об очередных задачах партии в национальном вопросе // Протоколы X Съезда РКП(б). М., 1933. С. 573–582.

В рамках данной статьи речь пойдет о национальной политике большевиков в отношении тюркских народов Уральской области. Выбор тематики актуализируется рядом причин. Во-первых, основным населением региона были русские³, и поддержка национальной культуры тюркских народов не была сопряжена с вопросами нацстроительства и бюджетной поддержки для республик, с другой стороны – тюркские народы составляли значительную часть населения области и играли важную роль в экономике и жизни региона. Анализ имеющейся весьма внушительной литературы по советскому нацстроительству в 1920-е гг. [Slezkine 1994; Hirsch 2005; Чешко 2000; Чеботарева 2008; Мартин 2011] показал, что историки этого периода, как правило, фокусируют внимание на межреспубликанских отношениях или на анализе ситуации в так называемых национальных территориях, оставляя без внимания реализацию национальной политики в «русских регионах» со сложным этническим составом, на что уже указано автором и исследователями отдельных регионов [Каменских 2019; Аверьянов 2021; Корженевский 2022]. Нельзя не отметить, что в национальных республиках национальная политика была частью торга с центральными властями в выстраивании бюджетных отношений. Американская исследовательница Ф. Хирш пишет, что большевики поддерживали местный национализм («state sponsored nationalism») для того, чтоб сохранить и централизовать власть [Hirsch 2005, pp. 10–11]. Дж. М. Истер в книге «Советское государственное строительство» доказывает, что «неформальное сотрудничество и внутригосударственные конфликты были нормой, а не исключением в отношениях между центром и регионами» [Истер 2010, с. 41]. Солидарный с ними отечественный исследователь С. В. Чешко по этому поводу отметил, что новая власть была озабочена тем, чтобы отбиться от внешних и внутренних врагов, привлечь на свою сторону национальные движения, соединив их со своими политическими интересами [Чешко 2000, с. 182]. Таким образом, реальное положение с решением «национального» вопроса демонстрируют именно такие регионы, как Уральская область, где большинство населения было русским, но имелись значительные анклавы с компактным проживанием разных национальностей. При анализе историографии истории татар и башкир Урала также становится очевидным интерес историков преимущественно к ранней истории этих народов и их традиционной культуре. Советский период их истории остается одним из наименее освещенных, хотя именно тогда были

³ См.: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 4: Вятский район, Уральская область, Башкирская АССР. Отд. 1: Народность. Родной язык. Возраст. Грамотность. М.: Изд. ЦСУ СССР, 1928. С. 105–107.

заложены основы национальной политики, которая отчасти продолжается и сегодня [Черных 2007; Атнагулов 2007]. Данная статья отчасти закрывает имеющиеся пробелы в историографии и расширяет представления об особенностях национальной политики 1920-х гг., ее итогов и результатов. На примере источников, отложившихся в фондах центральных архивов, а также в архивах Урала и вводимых автором в научный оборот, можно наглядно увидеть ход мероприятий национальной политики, ее приоритеты и сложности в реализации. Документы раскрывают особенности вовлечения молодежи в партийное и комсомольское движение, борьбу с религиозными лидерами, новых светских календарных праздников (сабантуй). На примере татар и башкир Урала автор предлагает свою парадигму осмысления и переосмысления сути национальной политики РСФСР 1920–1930-х гг.

Политика в отношении башкирского и татарского населения Урала в 1920-е гг.

Башкиры и татары традиционно были соответственно вторым и третьим после русских по численности народом созданной в 1923 г. Уральской области. Ввиду близости языка и духовной культуры эти народы часто объединяли в одну группу, чем и вызвано существование «татбашбюро» практически во всех округах области. Их численность оценивалась примерно в 200 тыс. человек или 4% от населения области. Плотность расселения была разной. В Тобольском округе, например, татары и башкиры составляли до 20% населения, в Верхнекамском – менее 0,1%⁴. В отдельных районах татары и башкиры составляли большинство, как, например, в Бардымском районе Пермского округа (95%)⁵. Поэтому жизнь башкир и татар, мероприятия по их «культурному подъему» были важной составляющей национальной политики Урала.

Сразу после создания Уральской области при Уралбюро была создана сеть татбашбюро, разработано и направлено в районы специальное «Положение о бюро татбаш. при агитпропах окружных комитетов»⁶. Задачи органов советской власти в работе с татарами и башкирами были сформулированы на Первой окружной конференции коммунистов (татаро-башкир) в г. Перми в марте 1925 г.

⁴ См.: Всесоюзная перепись населения 1926 г.: Т. 4. С. 107–108.

⁵ См.: Список населенных пунктов Уральской области. Т. 9: Сарапульский округ. Свердловск, 1928. С. 2.

⁶ См.: Пермский государственный архив социально-политической истории (ПермГАСПИ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 232. Л. 6–8.

Основной целью политико-просветительской работы среди башкир и татар было провозглашено широкое вовлечение их в общественно-государственную жизнь и изменение бытового уклада их жизни, а ближайшими задачами – антирелигиозная и сельхозпропаганда с созданием кружков при клубах и избах-читальнях⁷. Среди задач, обозначенных конференцией, также были провозглашены объединение населения татар и башкир Уральской области по партийной, профессиональной и советской линии; проведение партсовпрофорганами мероприятий для татаро-башкир «для применения в быту и психологии таковых»⁸.

Вовлечение татар и башкир в мероприятия советской власти

Источники свидетельствуют, что местные власти предпринимали серьезные меры, чтоб вовлечь сельское татарское и башкирское население в русло большевистской идеологии. Но, судя по всему, это не всегда получалось.

В 1924 г. Уралобком инициировал процесс по «вовлечению татарско-башкирской молодежи в общественную жизнь»⁹. «В связи с переломом среди рабочих и наплыва в партию после смерти “Ильича” нужно использовать для вовлечения в партию и союза тат/баш рабочих и молодежи», – говорилось в февральском циркуляре РКП(б) 1924 г. Для этого предлагалось привлекать на лекции представителей других, более «развитых» национальностей, а также при сообщении в окружком о результатах вступления в партию и союзы особо отмечать количество «татбашрабочих», вступающих в РКП(б) и РКСМ¹⁰. Был даже разработан отдельный план и даны инструкции агитпропам на местах, как вовлечь в партию сезонных рабочих татар и башкир для усиления влияния коммунистической идеологии в деревне. Беседы предлагалось вести на татарском языке. В 1925 г. Агитпроп Пермского окружкома, например, даже организовывал специальные курсы по подготовке чтецов газет в татарских деревнях¹¹. Задачами этих чтецов, согласно разработанному позже положению, были популяризация партийной советской печати среди крестьян, углубление и расширение идейной политической связи газеты с рабоче-крестьянскими массами, поднятие

⁷ Там же. Д. 237. Л. 1.

⁸ Там же. Д. 234. Л. 44.

⁹ Там же. Д. 232. Л. 6–8.

¹⁰ Там же. Л. 15.

¹¹ Там же. Д. 233. Л. 73.

культурного уровня крестьян через газеты, вербовка подписчиков газеты. Основной формой работы было названо «громкое чтение газеты перед неграмотными слушателями»¹². Также было рекомендовано распространять газету «Интерчиляр» (орган печати в Татарской АССР)¹³. Были созданы ячейки в Канабеках и Баш-Култаево, открыто три народных дома в этих населенных пунктах. Свои библиотеки для татар были открыты в Чусовом, Лысьве, Мотовилихе, кислотном заводе¹⁴.

Несмотря на активную деятельность и большой административный ресурс, численность коммунистов-татар к середине 1920-х гг. была невелика. На заседании упоминавшейся выше конференции сообщалось, что «представленное количество коммунистов далеко не соответствует планам, а количество татаро-башкирских населенных пунктов никак нельзя взять на учет»¹⁵. Ситуацию с распространением идей большевиков в татарской и башкирской среде красноречиво демонстрируют и материалы Отчета организации татар и башкир Пермского окружкома за 1925 год. В документе сообщалось, что охват молодежи на середину 1925 г. составлял 7%, по сельскохозяйственным районам – 4%, партизны – 25 человек (рабочих – 23, крестьян – 2), кандидатов – 48, из них 5 крестьян¹⁶. На начало 1924 г. в Прикамье коммунистов среди татар и башкир было 17, а также 12 кандидатов в члены партии¹⁷. В другом отчете о татарском населении говорится, что «татары работают на лесосеках и по-русски совсем не говорят, находятся в сильной зависимости от куреньщиков, которые их обшчитывают и обращаются грубо. Собрания татарами посещаются слабо, без знания русского языка им трудно, а если кто мало-мальски умеет говорить по-русски, то выступать на собраниях не решается, так как над ним смеются»¹⁸. Пермский окружком в своем письме инструкторам татаро-башкирских ячеек в деревнях и заводах от 8 февраля 1924 г. писал, что «мы не смогли достигнуть реальных результатов в отношении политвоспитания тат/баш рабочей молодежи»¹⁹.

Чтобы выправить ситуацию, состоявшаяся в феврале 1924 г. первая Уральская областная конференция коммунистов татаро-

¹² Там же. Л. 84.

¹³ Там же. Д. 232. Л. 11.

¹⁴ Там же. Л. 14.

¹⁵ Там же. Д. 233. Л. 48.

¹⁶ Там же. Л. 65.

¹⁷ Там же. Д. 232. Л. 14.

¹⁸ Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 69. Л. 164.

¹⁹ ПермГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 234. Л. 7.

башкир постановила завербовать 500 новых членов партии к 1 мая 1924 г.²⁰ Судя по всему, эти показатели также не были достигнуты. В отчете о работе секции по итогам года лишь сообщается, что «работа была сосредоточена на вовлечении татар в общественную жизнь и сферу влияния коммунистической партии» без упоминания достигнутых задач²¹. Новый состав Пермского окрбюро в конце 1924 г. фиксировал полное отсутствие связи с местами, отсутствие учета, слабую воспитательную работу, особенно среди женщин. Коммунистами были менее 1%»²².

В работе с молодежью предлагалось вести проверку посещаемости занятий членами РКСМ и РКП(б) в политшколе и политкружках, проводить беседы на родном языке с книг на татарском языке и вовлечением актива. Перечень книг, который при этом рекомендовался, включал: «Саяси иктисад» («Политэкономия»), «Гильми-социализм» («Научный социализм»), «Саяси блем» («Политграмота»), «Дин турында» («О религии»), «Джан-тереклек» («Душа и жизнь») и «Историю РКП(б)» Зиновьева²³. О том, насколько хорошо была организована работа по набору молодежи в учебные заведения, свидетельствует циркулярное письмо Татабашбюро всем райкомам и райкомолам, где сообщалось, что бюро «вторично просит срочно прислать» на отношения от 24 июня и 25 июля о направлении информации о желающих поступить в учебные заведения²⁴. «Частичная недисциплинированность в заводах характеризуется: выпивкой, манкировкой выполнения партпоручений, слабым посещением собраний, в деревне – соглашательством с кулацким элементом и неделикатным поведением некоторых членов в разрешении семейно-бытовых вопросов», – говорилось в отчете местного Татабашбюро о коммунистах-татарах Пермского округа²⁵.

При этом можно с определенной долей уверенности предположить, что первоначально на сотрудничество с большевиками в деревне шли преимущественно маргинальные слои, для которых должности в большевистской иерархии могли стать своеобразным социальным лифтом. В источниках отложилось немало документов о «недостойном» поведении лидеров комсомола в первые годы советской власти. В докладе инструктора при ОКРОНО Кадырова о поездке Канабековскую, Кояновскую и Янычевскую волости

²⁰ Там же. Д. 232. Л. 16.

²¹ Там же. Л. 55.

²² Там же. Д. 236. Л. 181.

²³ Там же. Д. 234. Л. 7.

²⁴ Там же. Д. 233. Л. 61.

²⁵ Там же. Л. 72.

для обследования и инструктирования тат.-баш. культполитпросветительских учреждений сообщается, что секретарь Канабековской ячейки РКСМ тов. Ишмитов Амирхан вместо политпросветительской работы занимался пьянством, торговлей оружием, растратой семсуды, выданной на обсеменение школьных участков, злоупотреблением в деньгах, выданных в пользу беспризорных, а секретарь Канабековского сельсовета Фахрутдинов был замечен трижды в выпивке кумышки «и в день траура по Ленину тоже был выпившим»²⁶.

Реализацию политики на местах красноречиво характеризует ситуация в Кизеловском районе Верхнекамского округа. Если верить переписке окружкома с Уралобкомом 1925 г., численность татар в округе составляла 6060 или 13% от общей численности населения, более всего – на Ленкопи, Губахе и Усьве. У местных татар функционировало бюро общества «Яналиф» (создано 9 ячеек), работали татаро-башкирские драмкружки, 6 татаро-башкирских библиотек. Однако местные активисты также испытывали трудности в работе. «В Ленинских копиях нет представителя в рудкоме, местные власти недостаточно обслуживают татаро-башкир. Причины – как общая неграмотность, так и отсутствие должного внимания со стороны райорганизации Кизеловского района», – говорилось в отчете Уралобкому²⁷. Известно о существовании в Кизеловском районе ячейки татаро-башкир и собственного женотдела, но об их деятельности практически ничего неизвестно. Инструктор женотдела Кизеловского района сообщала руководителю отдела нацмен Уральской области Гатаулину, что женщины в Кизеловском районе не проявляют свою активность, но «некому эту активность направлять по должному руслу». Причина в том, что была ликвидирована должность отдельного инструктора в районе. Также она сообщала о существовавших проблемах с переводом с татарского языка: «...метрическая книга Кизеловского района на татарском языке, и последняя находится в милиции, работники милиции татарские метрики не знают»²⁸.

Таким образом, несмотря на амбициозные планы по вербовке новых членов, партия не смогла добиться серьезных успехов. Причинами были высокий уровень недоверия местного населения к новой власти и их антирелигиозная политика.

²⁶ Управление по делам архивов г. Сарапула. Ф. Р-210. Оп. 1. Д. 155. Л. 34.

²⁷ ГАСО. Ф. 88-Р. Оп. 5. Д. 69. Л. 163.

²⁸ ПермГАСПИ. Ф. 156. Оп. 1. Д. 335. Л. 14.

*Ислам в башкирско-татарской среде
Урала 1920-х гг.*

Серьезным препятствием для вовлечения татарского и башкирского населения в русло большевистской идеологии был ислам. Известно, что большевики первоначально рассматривали его как средство борьбы с наследием царизма, поэтому период с 1918 по 1923 г. мусульманское население прожило в условиях религиозной свободы [Пономаренко 2008]. Специальным постановлением Наркомнаца от 19 октября 1922 г. даже было разрешено открывать мусульманские школы и готовить священников. Это, в свою очередь, привело к росту духовных образовательных учреждений.

Рост активности мусульман к середине первой половины 1920-х гг. вызывал беспокойство органов власти, в том числе на Урале. В «Отчете бюро нацмен Осинского уезда отдела народного образования» за 1923 год сообщается, что с сокращением школ в татаро-башкирских волостях началось стихийное возникновение религиозных школ вероучения²⁹. В докладе Съезда татаро-башкир Пермского округа «О политпросветительской работе среди татаро-башкир» сообщалось, что в каждой деревне существовали нелегальные ячейки под названием «Лутаволиш», состоявшие из духовенства, которые связаны с руководящим духовенством и «националистической интеллигенцией». Указывалось, что «представители духовенства вследствие неосведомленности некоторых органов власти в своей работе добиваются некоторых от исполкомов удостоверений с правом устройства собраний по сбору мелких пожертвований»³⁰. А Пермский окружком в циркулярах райкомам сообщал, что в 1924 г. празднование сабантуя сопровождалось чтением Корана и участием мулл³¹. Масштабы деятельности религиозных активистов, исповедующих ислам, в тот период характеризуют отложившиеся в ГАСО «Сведения о выдаче разрешений на преподавание мусульманского вероучения в мечетях за 1924 и 1926 гг.». В документе сообщается, что еще в 1926 г. было выдано 14 таких разрешений, в том числе 7 – в Сарапульском округе, 5 – в Кунгурском округе, 2 – в Пермском. Количество обучающихся превышало несколько сотен человек, в том числе в Кунгурском округе – 193 человека, в Сарапульском округе – 147 человек, в Пермском округе – 47³². На заседании Центрального

²⁹ Управление по делам архивов г. Сарапула. Ф. Р-210. Оп. 1. Д. 286. Л. 6.

³⁰ ПермГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 232. Л. 53.

³¹ Там же. Д. 233. Л. 74.

³² ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 60. Л. 165а.

татаро-башкирского бюро при ЦК РПК (б) от 17 октября 1924 г. отмечалось, что «большим тормозом в работе является духовенство», которому в последние два года по линии Наркомнаца предоставлены такие права, что оно вполне имеет возможность вести свою агитработу на местах, в то время как представители Татбашбюро могли попадать туда только «2–3 раза в год»³³.

Очевидно, что в условиях укрепления советской власти официальная государственная антирелигиозная политика и ислам не могли сосуществовать. Так, уже в январе 1924 года заведующий агитпропом и секретарь Пермского окружного татбашбюро писал в Уралобком, что в местной мечети по воскресениям среди мужчин и по пятницам среди женщин проводятся беседы на религиозные темы вне времен религиозного обряда (Намаз), а стороны муфтиев Гасимова и Айдарова ведется религиозная агитация, в связи с чем Татбашбюро просило сообщить, «имеют ли они отдельно разрешение на ведение таковых бесед в не молитвенное время и если нет, то какой штраф»³⁴. На уровне страны вопрос был решен в конце 1924 г. Решением от 3 января 1923 г. Наркомпрос постановил, что все религиозные школы должны были быть закрыты, но по факту этого не было сделано³⁵. При этом сам религиозный актив не видел противоречий с советской властью и пытался использовать ее ресурс, прикрывая свою фактическую деятельность необходимостью достижения задач советской власти. Так, в фондах ПермГАСПИ сохранился протокол заседания инициативной группы татар 1924 г., планировавшей создать мусульманский кооператив. «Кооператив мог бы решить и культурные нужды темного татарского населения», – сообщалось в документе³⁶. Однако в итоге в создании такого кооператива было отказано.

После решения Наркомпроса ислам был включен в русло антирелигиозной политики. Уральский областной агитпроп в инструкции окружкомам в 1924 г. писал, что в связи с «усилением влияния духовенства на т/б массы, в особенности на крестьянство, антирелигиозная пропаганда среди татаро-башкир приобретает особо важное значение»³⁷. В резолюции Первой Уральской областной конференции коммунистов татаро-башкир отдельным пунктом было обозначено, что политика нэпа привела к «некоторому притуплению» классовой борьбы между рабочими и буржуазным элементом т.б., что стало причиной активизации

³³ Там же.

³⁴ ПермГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 244. Л. 11.

³⁵ Там же. Д. 233. Л. 48, 61.

³⁶ Там же. Д. 244. Л. 100.

³⁷ Там же. Д. 234. Л. 7.

мусульманского духовенства, «пытающегося под флагом ислама проводить шовинистические идеи пантюркизма и его религиозной оболочки – панисламизма»³⁸.

Для противодействия исламу предлагалось готовить «антирелигиозников» из среды членов партии, окончивших старое медресе или хорошо знакомых с исламом; дополнить работу совпартшкол по антирелигиозной пропаганде пунктом об антиисламской пропаганде; вести широкую антиисламскую пропаганду среди широких масс; обратить внимание на подсобаг «в смысле его подготовки по антирелигиозным вопросам»³⁹.

Праздник Сабантуй как концепт светскости и советскости

Важным направлением антирелигиозной работы стала поддержка праздника Сабантуй. Праздник не был связан с исламским вероучением, поэтому его использовали как альтернативу религиозным торжествам. На упомянутом выше заседании пленума Уральского обкома в 1925 г. был заслушан доклад «О реконструкции сельского хозяйства в национальных районах Уральской области». В резолюции отмечалось, что национальные меньшинства в вопросах сельского хозяйства находятся «на низшем уровне своего развития» в сравнении с сельским хозяйством основных национальностей⁴⁰. Уралстатбюро предлагалось начать изучение хозяйственно-экономического, культурного и социального устройства национальных меньшинств, местным органам – придать массовым национальным праздникам, таким как Сабантуй, характер демонстрации достижений сельскохозяйственного коллективного труда⁴¹. Первоначально праздник Сабантуй предлагалось проводить в день праздника Курбан-байрам, а в противовес жертвоприношениям предлагалось «развернуть пропаганду за улучшение скота», а «процедуры “Сабантуя” должны поиметь современный физкультурный, спортивный вид». Председатель Пермского окружкома в инструкции по проведению сабантуя в 1925 г. особо указывал, что праздник «ничуть не является религиозным праздником, а наоборот антирелигиозным праздником, праздником физкультуры и сельскохозяйственного труда»⁴².

³⁸ Там же. Л. 56.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же. Ф. 156. Оп. 1. Д. 335. Л. 6.

⁴¹ Там же. Л. 7.

⁴² Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 244. Л. 48.

Работе по проведению сабантуя уделялось большое внимание. Для проведения праздника в 1925 г. комиссия по устройству «сабантуй» при Татбашбюро бюро окружкома РКП(б) получила в распоряжение один автомобиль, грузовики для перевозки буфета и скамеек. О празднике сообщалось, что он устраивается с благотворительной целью и все сборы поступят в фонд Ильича⁴³.

Со временем сабантуи стали более масштабными торжествами. Можно предположить, что именно в советский период значение сабантуев значительно возросло за счет понижения влияния религиозных праздников. В 1927 г. председатель областного совета нацмен Е. Хасанов, например, писал, что в дни национальных и религиозных праздников большинство школ и детдомов под руководством педагогов проводят антирелигиозную пропаганду. Руководство праздниками Сабантуй, Жейны, Косе и др. постепенно переходит в руки партийных и комсомольских органов⁴⁴. Как известно, сегодня Сабантуй является одним из наиболее значимых и масштабных культурных мероприятий в Татарстане и Башкортостане, а также в других регионах с тюркоязычным населением. Праздник является символом национальной культуры татар и башкир, однако истоки этой части культурной жизни надо искать не в средних веках, а в первых десятилетиях советской власти.

Заключение

Таким образом, после создания Уральской области основная деятельность в отношении татарского и башкирского населения политика большевиков велась с разной степенью успешности, но имеющийся ресурс и масштабы деятельности не позволили наладить системную работу по всем территориям. Татары и башкиры Урала привлекались к реализации национальной политики во время разовых мероприятий и акций, а также в рамках массовых кампаний по набору в партию. Однако в целом работу в отношении татар и башкир нельзя признать удачной с точки зрения тех целей, которые ставила советская власть.

Проводимая политика не встречала отклика у местного населения, поскольку мероприятия носили единичный характер, система подготовки агитаторов практически не работала. В этом отношении большевики проигрывали даже религиозным лидерам, которые легко расширяли сеть сторонников в условиях конкуренции и религиозной свободы. Однако в условиях безальтернативного развития

⁴³ Там же. Л. 40.

⁴⁴ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 41. Л. 305 об.

и усиления режима большевистская идеология постепенно принималась основной массой населения и определяла дальнейшее развитие духовной сферы общества.

Благодарности

Статья публикуется в рамках реализации гранта РФФИ № 19-18-00117 «Традиционная культура русских в зонах активных межэтнических контактов Урала и Поволжья».

Acknowledgements

The article is published within the framework of realization of the Russian National Science Foundation grant no. 19-18-00117 “Traditional culture of Russians in the zones of active interethnic contacts of the Urals and the Volga region”.

Литература

- Аверьянов 2021 – *Аверьянов А.В.* Национальная политика советского государства на Дону, Кубани и Ставрополье в 1920–1930-е гг.: Дис. ... д-ра ист. наук. Ростов-на-Дону, 2021. 701 с.
- Атнагулов 2007 – *Атнагулов И.Р.* Нагайбаки: опыт комплексного историко-этнографического исследования хозяйства и материальной культуры второй половины XIX – начала XX в. Магнитогорск: МаГУ, 2007. 244 с.
- Истер 2010 – *Истер Дж.* Советское государственное строительство: система личных связей и самоидентификация элиты в Советской России. М.: РОССПЭН, 2010. 255 с.
- Каменских 2019 – *Каменских М.С.* Национальная политика в Прикамье в 1918–1939 гг.: региональный аспект. СПб.: Маматов, 2019. 224 с.
- Корженевский 2022 – *Корженевский К.Б.* Национально-территориальное размежевание между Сибирью и Казахстаном в 1917–1936 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, ТюмГУ, 2022. 288 с.
- Мартин 2011 – *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности»: нации и национализм в СССР: 1923–1939. М.: РОССПЭН, 2011. 664 с.
- Пономаренко 2008 – *Пономаренко М. В.* Ислам в религиозной политике советской власти в первой трети XX в.: (на материалах Западной Сибири) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2008. № 20. С. 330–333.
- Чеботарева 2008 – *Чеботарева В.Г.* Национальная политика Российской Федерации: 1925–1938 гг. М.: Московский Дом национальностей, 2008. 832 с.
- Чешко 2000 – *Чешко С.В.* Распад СССР: этнополитический анализ. 2-е изд. М.: ИЭА РАН, 2000. 398 с.
- Черных 2007 – *Черных А.В.* Народы Пермского края: история и этнография. Пермь: Пушка, 2007. 296 с.
- Hirsch 2005 – *Hirsch F.* Empire of nations. Ethnographic knowledge and the making of the Soviet Union. Ithaca, London: Cornell University Press, 2005. 367 p.

Slezkine 1994 – *Slezkine Yu.* The USSR as a communal apartment, or How a socialist state promoted ethnic particularism // *Slavic Review*. 1994. Vol. 53. P. 414–452.

References

- Aver'yanov, A. V. (2021), *Natsional'naya politika sovetskogo gosudarstva na Donu, Kubani i Stavropol'e v 1920-1930 gody* [The national policy of the Soviet state in the Don, Kuban and Stavropol regions in the 1920–1930s], D. Sc. Thesis (History), South Federal University, Rostov-na-Donu, Russia.
- Atnagulov, I.R. (2007), *Nagaibaki: opyt kompleksnogo istoriko-etnograficheskogo issledovaniya khozyaistva i material'noi kul'tury vtoroi poloviny XIX – nachala XX veka* [Nagaybaki: the experience of a comprehensive historical and ethnographic study of the economy and material culture of the second half of the 19th – early 20th centuries], Magnitogorskii Gosudarstvennyi Universitet, Magnitogorsk, Russia.
- Hirsch, F. (2005), *Empire of nations. Ethnographic knowledge and the making of the Soviet Union*, Cornell University Press, Ithaca, London, USA.
- Slezkine, Yu. (1994), “The USSR as a communal apartment, or How a socialist state promoted ethnic particularism”, *Slavic Review*, vol. 53, pp. 414–452.
- Easter, J. (2010), *Sovetskoe gosudarstvennoe stroitel'stvo: sistema lichnykh svyazei i samoidentifikatsiya elity v Sovetskoi Rossii* [Soviet state building. The system of personal connections and self-identification of the elite in Soviet Russia], ROSSPEN, Moscow, Russia.
- Kamenskikh, M.S. (2019), *Natsional'naya politika v Prikam'e v 1918–1939 gg.: regional'nyi aspekt* [National policy in Prikamye region in 1918–1939 years. Regional aspect], Mamatov, Saint Petersburg, Russia.
- Korzhenevskii, K.B. (2022), *Natsional'no-territorial'noe razmezhevanie mezhdu Sibir'yu i Kazakhstanom v 1917–1936 gg.* [National-territorial delimitation between Siberia and Kazakhstan in 1917–1936], Ph.D. Thesis (History), Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, Russia.
- Martin, T. (2011), *Imperiya «polozhitelnoi deyatelnosti»: natsii i natsionalizm v USSR: 1923–1939* [The Empire of “Affirmative action”. Nations and nationalism in the USSR, 1923–1939], ROSSPEN, Moscow, Russia.
- Ponomarenko, M.V. (2008). *Islam v religioznoi politike sovetskoi vlasti v pervoi treti XX veka: (na materialakh Zapadnoi Sibiri)* [Islam in the religious policy of the Soviet authorities in the first third of the 20th century (based on Western Siberia)], in *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, no. 20, pp. 330–333.
- Chebotaeva, V.G. (2008), *Natsional'naya politika Rossiiskoi Federatsii: 1925–1938 gg.* [National policy of the Russian Federation. 1925–1938], Moscovskii dom natsional'nostei, Moscow, Russia.
- Cheshko, S.V. (2000), *Raspad SSSR: etnopoliticheskii analiz* [The collapse of the USSR. Ethnopolitical analysis], IEA RAN, Moscow, Russia.
- Chernykh, A.V. (2007), *Narody Permskogo kraya: istoriya i etnografiya* [Nationalities of the Perm territory. History and ethnography], Pushka, Perm, Russia.

Информация об авторе

Михаил С. Каменских, кандидат исторических наук, Институт гуманитарных исследований Уральского отделения Российской академии наук, Пермь, Россия; 614990, Россия, Пермь, ул. Ленина, д. 13а;

НИУ ВШЭ, Пермь, Россия; 614070, Россия, Пермь, ул. Студенческая, д. 38; mkamenskih27@gmail.com

ORCID ID: 0000-0001-7311-9457

Information about the author

Mikhail S. Kamenskikh, Cand. of Sci. (History), Institute of Humanitarian Studies, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Perm, Russia; 13a, Lenina St., Perm, Russia, 614990;

HSE University, Perm, Russia; 38, Studencheskaya St., Perm, Russia, 614070; mkamenskih27@gmail.com

ORCID ID: 0000-0001-7311-9457